

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

9 ● Клик-химию, по словам одного из создателей метода, «может использовать кто угодно, для этого не надо быть героем» ● История учит: разбойники любых мастей — не та публика, чтобы биться за народное счастье ● Хотите проследить за ходом мысли гения? Всмотритесь в наброски Леонардо да Винчи ● Истинные чувства не скроешь, хотя бы долю секунды они мелькают на лице.

ОГНЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Елена ПЕРВУШИНА.

Глава пятая.

ВЗЛОМ И ПРОНИКНОВЕНИЕ

Ключ к успеху — планирование. Поэтому тщательнейшим образом обдумываю план. Для начала, стараясь не привлекать внимания, осматриваю подозрительную дверь и не обнаруживаю никаких ведущих к ней проводов. То есть никакой сигнализации. Очевидно, руководители «Гармо-мамы» сочли, что одного охранника на входе достаточно. И кстати, этому охраннику, несомненно, показалось бы подозрительным, что сигнализация проведена в помещение, которое не обозначено на плане. Так что тут мне повезло.

Сосредотачиваюсь на охраннике, то есть, надевая куртку и сапоги, стараюсь оказаться поближе к нему и наблюдаю. Поначалу мне кажется, что он филопит — спит или занимается своими делами, и я радуюсь, думая, что обойти его будет несложно. Но это только до тех пор, пока я не взглянула на него. А взглянув, ясно увидела, что периодически, с частотой в две-три минуты, электрическая активность в его латеральных отделах больших полушарий головного мозга усиливается и одновременно увеличиваются ритмичность и синхронизация в медиальных и базальных структурах мозга — классические признаки активации ориентировочного рефлекса. Присмотревшись к нему повнимательнее, на этот раз обычным зрением, вижу на правом запястье узкий ремешок, от которого идёт провод куда-то под стол. Итак, охранник привязан к своей будке, как цепная собака, и он бдит.

С этой информацией иду к Кате и прошу её найти среди своих друзей специалиста по охранным системам, который меня проконсультирует. Говорю, что у нас собираются на работе обновить систему и я хочу знать, чем мне это грозит. Специалист находится без труда: у театра тоже есть охрана. Я рассказываю ему о «поводке» и добавляю с нервным смешком:

— По-моему, они превратили его в киборга.

Специалист смеётся:

— Нет, что вы! Это старая система, ещё из прошлого века, просто сейчас нашли возможность поставить производство на поток, и она здорово подешевела. Под потолком помещаются четыре ленты, а на них в тонком слое питательного раствора — слои гигантских зрительных клеток-палочек, реагирующих на перепад освещённости, то есть на движение. Если в помещении появляется человек, клетки фиксируют его и сигнал передаётся на центральный компьютер, а оттуда на браслет, и охранник чувствует лёгкое покалывание. Дальше он смотрит на экран и решает, что делать.

— И обмануть систему сложно?

— Теоретически — не очень. Собственно, сами клетки, если они исправны, обмануть невозможно, но информация проходит обработку, а это всегда слабое место. Смотрите: клетки на разных стенах активируются попеременно. На то, чтобы просканировать комнату, им требуется определённое время. Следовательно, если двигаться вдоль стены в тот момент, когда работают клетки на другой стене, и замирать, когда могут просканировать остальные клетки, велика вероятность, что система сочтёт вас просто частью «белого шума». Но, увы, практически это неосуществимо. Невозможно определить, когда начинается цикл возбуждения-торможения у конкретных клеток и сколько он будет длиться. Это зависит от размеров помещения и от индивидуальных особенностей лент. Биотехнологии трудно стандартизировать.

Скоро новогодние каникулы — центр закроют на десять дней. Учитывая это, окончательно отшлифовываю план и пишу Максиму. Мне кажется, будет справедливо, если он увидит всё собственными глазами. Адрес его я нашла без особого труда, точнее, нашла адрес Лизы на сайте университета и бросила письмо: я была уверена, что

Продолжение. Начало см. «Наука и жизнь» №№ 7, 8, 2014 г.

Рисунок Майи Медведевой.

Максим просматривает её электронные ящики. И не ошиблась. Максим позвонил на следующий день ранним утром:

— Вы с ума сошли? Я же велел туда не соваться.

Он мне велел! Нет, вы слышали? Я презрительно фыркаю.

— Макс! Вы идёте со мной или нет?

— Иду.

— Тогда запоминайте: Тополиная аллея, дом 5. Здание во дворе — бывшая школа. Центр на первом этаже. Подойдёте двадцать четвёртого декабря к одиннадцати часам, увидите, в каком окне горит свет. Придётся влезть в окно. Но там невысоко.

В первый день новогодних каникул, в одиннадцать часов, прихожу в пустой и тёмный центр. Примерно за две недели до начала каникул я завела привычку здороваться с охранником и перебрасываться с ним парой слов, поэтому он без труда узнаёт меня.

— Анна Владимировна? А сегодня никого нет. Вы что-то забыли?

— Оставила в раздевалке купальник. Можно, поищу?

— Идите.

— С наступающим вас, Виктор Сергеевич. Я вам пунша принесла, чтобы веселее было, — и протягиваю термос.

— Что вы, Анна Владимировна! Нам не положено.

— Берите-берите! Он безалкогольный! Только чай с пряностями и апельсиновый сок. Я всегда такой делаю на Рождество.

— Ну, если безалкогольный... Спасибо.

Бегу в женскую раздевалку. Включаю свет. Меньше чем через минуту в стекло стучит Максим. Открываю окно и говорю ему:

— Подождите.

Снова бегу на пост.

— Виктор Сергеевич, там сыро и воняет чем-то. Я окно открыла.

Он пожимает плечами.

— Ну ладно.

Кто станет спорить с беременной!

Краем глаза замечаю у него на столе термос. Интересно, пил он уже или нет? В пунш добавлена хорошая доза мочегонного — в качестве дополнительной страховки.

Возвращаюсь в раздевалку, впускаю Максима.

В темноте плещет вода в бассейне. Тоже дополнительное прикрытие.

Замираем на пороге раздевалки, я смотрю на сенсорные ленты под потолком. Вот загорелись синие огни на противоположной стене. Вот погасли — и загорелись сбоку. Сейчас вспыхивают клетки вдоль «нашей стены». Стараясь двигаться плавно и без рывков, иду, прижимаясь к кафелю. За мной Максим.

— Четырнадцать... пятнадцать... пошли.

— Четыре, пять — стой!

— Четырнадцать... пятнадцать... пошли.

Так мы приходим к заветной двери. Максим достаёт кредитную карточку и в момент очередного «мёртвого сезона» вскрывает замок. Это у него получается с

первой попытки, сразу видно — человек опытный. За дверью лестница.

Спускаемся в «подвал Синеи Бороды», и я решительно щёлкаю выключателем.

Перед нами действительно около дюжины медицинских аппаратов. Некоторые прикрыты плёнкой, другие стоят просто так, открытыми, на контактах ещё остались следы геля. Мы с Максимом идём вдоль стен, внимательно изучая каждый прибор. Один напоминает старинную радиостанцию с огромными наушниками, другой имеет манипулятор, больше всего напоминающий пистолет, третий соединён с надувным костюмом, способным надёжно обездвижить пациента. И чем дольше я смотрю, тем лучше понимаю, что ошиблась.

Максим мрачно созерцает всю эту средневековую пыточную камеру.

— Вы можете разобраться, что тут к чему?

— Да. Это не лаборатория доктора Франкенштейна. Это кабинет аппаратной косметологии. Может, они не хотели регистрировать его, потому что это чёртова уйма бумажек и денег, а может, просто ещё не успели.

— А он так и должен выглядеть? — спрашивает Максим с подозрением. — Вот эта, например, штука, — он тычет пальцем в костюм. — Она безопасна? Сюда добровольно ложатся?

— Да, это аппарат для лечения целлюлита. Кавитация ультразвуком в сочетании с вибрацией. Выглядит, правда, устрашающе, но абсолютно безопасно.

— Вы точно знаете?

— Максим, у меня вторая специализация — массаж и физиотерапия. И, увы, — здесь совершенно стандартные конфигурации. То есть не увы, конечно, но...

— А это? — он тычет в «радиостанцию».

— Ультразвук высокой частоты.

— А если наложить электроды на виски?

— Пожалуйста. Мы в училище так баловались. Говорили, успокаивает и помогает от оцепенения. Но это, скорее всего, эффект плацебо.

— А это что?

— Дарсонваль. Импульсные токи. В ходу с двадцатого века.

— И больше ничего?

— Из того, что нас интересует, ничего.

— Понятно.

Он суёт руки в карманы пальто и отворачивается от меня не в силах скрыть своего разочарования.

— Ладно, — говорит он, шагая к двери. — Сам виноват, дурак. Устроил тут теорию заговора, ещё и вас втянул.

Я бросаюсь следом, захлопываю дверь, хватаю Максима за плечо, прижимаю к стене. И вовремя: вбегает охранник.

— Это ещё что? Что вы тут делаете?

Максим, мгновенно оценив ситуацию, целует меня.

— Вот те на! Вот охальники! — охранник так возмущён, что переходит, вероятно, на лексикон собственной бабушки. — Нашли место! А ну пошли вон, пока я полицию не вызвал.

Я судорожно извиняюсь, Максим суёт ему купюру, и мы сбегаем.

Глава шестая.

ТАЙНА ЛИЗЫ

Мы сидим в кафе, ближайшем к месту нашего позора. Я пью чай. Максим взял какой-то коктейль, но не притронулся к нему. Только ткнул пальцем в панель голографических программ, и теперь наш столик плывёт в корзине воздушного шара над полноводной мутной рекой (кажется, Амазонкой или Меконгом), полускрытой тропическими зарослями, под пронзительные крики обезьян, устроивших перепалку на вершине огромного дерева. Но Максим едва ли замечает эту экзотику, — вестибулярная зона его коры почти не реагирует.

— Итак, много шума из ничего? — в его голосе столько презрения к себе, в его запахах столько адренолиновой тоски, что меня передёргивает.

— Максим, это естественная ошибка. Психологи называют это «феноменом справедливого мира». Мы не можем поверить, что происшествие, разрушившее нашу жизнь, беспричинно... и ищем здесь злой умысел, чью-то вину.

— По-моему, это называется паранойей.

— Знаете, говорят, что и у параноиков бывают враги.

— И одним из моих врагов будете теперь вы. После того как я втравил вас в этот фарс.

— Что вы! Это был ценный опыт, неожиданный, конечно, но...

Он наконец поднимает глаза:

— А вы смелая. Я вас запугал до колик, наверное, своей манией преследования. Но вы всё же пошли работать под прикрытием...

Я с ужасом вижу, как в области гипоталамуса разгорается огонёк сексуального возбуждения. Конечно, Лиза ему уже несколько месяцев не партнёрша, а он, похоже, моногамен, и при любом намёке на «душевную близость» и мало-мальский общий опыт мозг должен просто вцепляться в образ... Вот загораются задняя инсулярная и средняя опоясывающая кора, обеспечивая лёгкую эйфорию, удовольствие от общения с оттенком флирта, навстречу идёт поток от оптических и слуховых центров... Сейчас возбуждение доберётся до наружного отдела височно-затылочной коры, где «моделируется» эротический образ, а затем придёт черёд орбитофронтальной, центра ожидания наград и формирования предпочтений, и премоторной — пойдёт активация моторно-поведенческих реакций...

— Вы правы в одном, — быстро говорю я первое, что пришло в голову. — Причина, несомненно, была. Но она не обязательно связана с людьми.

— Нет! — сексуальное возбуждение гаснет, начинает загораться гнев. — Я понимаю, на что вы намекаете, но, если бы это была болезнь, она бы развивалась медленно. А Лиза изменилась в одночасье. И это произошло на даче у Тамары.

Он замолкает, и возбуждение из его гипоталамуса активирует зоны в коре. Огненные узоры невероятной сложности и красоты вспыхивают, стремительно переливаются один в другой. Миндалины. Фронтально-инсулярный отдел и передний отдел опоясывающей извилины — структуры, отвечающие, в частности, за чувство вины и возмущение несправедливостью. Воспоминания. Огонёк решения в опоясывающей извилине. Теперь уже я чувствую сексуальное возбуждение. Я так люблю эти моменты, когда эмоции подогревают кору и она начинает бурлить, формируя мысли и побуждения к действию! Хорошо, что Максим этого так и не узнает. Он встаёт из-за стола, кидает на скатерть купюру.

— Едем!

— К Тамаре?

— Да. Если заговора не было, ей нет смысла ничего скрывать от нас. А вы будете проверять, правду она говорит или нет.

Я могла бы прочесть целую лекцию о том, какой это сложный и неоднозначный процесс — верификация. Но вместо этого говорю:

— Едем.

Наверное, я действительно смелая.

Машина несётся по главному проспекту в сторону скоростного шоссе. Деревья, как всегда на Новый год, украсили разноцветными лампочками, и они вспыхивают в темноте золотым, алым, синим так, что узор ветвей мгновенно пропечатывается на сетчатке. Вспыхивают витрины, рекламы на дверцах и багажниках машин, отражатели на одежде прохожих. Город почти не виден, только море огней. Поэтому я не удивляюсь тому, что Максим надел защитные очки, которые передают ему картинку, очищенную от посторонних сигналов: только края дороги, дорожная разметка, знаки, светофоры и контуры машин.

— А мы не слишком поздно? Она спать не ляжет?

— Ляжет — встанет, — фыркает Максим. — Не в первый раз!

Я не решаюсь спрашивать, на что он намекает, но мне это не нравится. Похоже, меня втягивают в семейную разборку.

— Кстати, я узнал, как приобретают такие способности, как у вас.

— Узнали и хорошо, — резко обрываю я: это не моя любимая тема для разговора. — Лучше расскажите, что у вас было с Тамарой? Роман?

— Всё-таки мысли читаете?

— Скорее, интонации. Больно уж похозяйски вы о ней говорите.

— Ну да, был. Собственно, до того, как она меня с Лизой познакомила. Я к ним на факультет зашёл, у Тамары сумка была тяжёлая... Оказалось, что нам по дороге, Тамара попросила Лизу подвезти... ну и...

— Старая история. — Я пропускаю фразу «Значит, про книжный магазин вы соврали?» — тут всё и так ясно. — Думаете, Тамара до сих пор ревнует?

— Вот мы её и спросим. И думать не надо будет. А вы бы ревновали?

— Не было случая узнать.

— Ах да, я и забыл, что вы мысли читаете! Завидую: никаких сомнений, никаких волнений. Всё как на ладони.

— Нет, вы забыли, что я их не читаю... ⇨

Мы подъезжаем к кольцевой дороге. Максим загоняет машину на платформу лифта, её подхватывают домкраты. Максим убирает колёса, выдвигает захваты. Лифт аккуратно опускает машину на полотно монорельса, на свободное место в колонне, и колонна начинает движение. Теперь до самой пересадочной станции можно отдохнуть и не думать об управлении.

— Люблю, когда она спит... — неожиданно говорит Максим. — Кажется, что всё нормально, что всё померещилось. Кстати, спать она стала гораздо лучше. Восемь часов как по нотах, и встаёт свежая, румяная, сразу еду просит. А раньше мучилась бессонницей. Говорила: «Где ж ты видел преподавателя с чистой совестью? Меня призраки замученных студентов преследуют». Уходила в ванную, чтобы меня не будить. Или смотрела в гостиной сериалы.

— Классику?

— Нет, детективы про судмедэкспертов. Она рассказывала: летом её возили к бабушке и дедушке на Волгу, в степь. В маленький городок. Бабушка как раз была судмедэкспертом, а дедушка просто патологоанатомом в морге при больнице. Так что когда слышу: «На этот вопрос я смогу ответить только после вскрытия», — словно возвращаюсь домой. Говорила: бабушка всё время трунила над дедушкой, что он боится настоящей крови, поэтому и вскрывает только тех, кто своей смертью умер. Говорила: они и привили ей любовь к Шекспиру, через любовь к расчленёнке.

— Расчленёнке?

— Да, она любила старинный жаргон. Она просто... считала, что выбрала английскую литературу из трусости. Подальше от «свинцовых мерзостей жизни» — тоже её слова. Что «есть тысячи вещей, которые людям нужнее, чем анализ Шекспира». Но боялась. И всё время себя за это корила.

— Может быть, она наконец что-то узнала и решилась?..

— Стоп. Это уже опять теория заговора. Давайте не будем строить предположений, пока не поговорим с Тамарой.

Лифт на пересадочной станции спускает нас с кольцевой трассы. Максим бросает через плечо:

— Уже скоро!

За городом дороги тёмные, только светится разметка да вспыхивают при нашем приближении билборды.

Наконец Максим сворачивает с трассы. Яжду долгого и скандального разговора по дальней связи, но ворота, появившиеся в свете фар, тут же расходятся перед нами.

— Надо же, — фыркает Максим. — До сих пор не обновила мне статус доступа. Вот растяпа!

Тамара открывает нам дверь через несколько минут, выглядит сонной и испуганной. Похоже, мы всё-таки вытащили её из постели.

— Макс? — она щурится от света и трёт глаза. — Что случилось? И кто это?

— Она со мной, — представляет меня Максим.

Тут уж мне приходится вмешаться:

— Вообще-то, меня зовут не «со мной», а Анна Владимировна. И я Лизин врач.

— С Лизой что-то случилось?

— Ничего нового, но я хочу, чтобы ты рассказала правду.

— А что такое? И где сейчас Лиза? Кто с ней?

Я чувствую укол совести. Хороша врач, нечего сказать! Ни разу с начала этой истории не поинтересовалась, кто сидит с Лизой, пока Максим разъезжает по городу и лазает в окна. А между тем при его паранойе вряд ли он нанял сиделку.

— С Лизой — Маша, разумеется, — отвечает Максим. — Ты в дом наспустишь или будешь рисковать здоровьем?

Я вхожу вслед за ними и передёргиваю плечами. От бывших любовников так и бьёт электричеством, только на сей раз это отнюдь не сексуальное влечение. Отпусти они тормоза, и здесь будет кошащая драка, что видно даже без способностей чтеца.

— Ты зря думаешь, что я могу что-то такое рассказать...

Дыхание Тамары неровное, близко слёзы, она сидит в кресле, безвольно уронив руки на колени, смотрит мимо нас. Мне даже не нужно убеждаться, что её гиппокамп горит синим огнём неподдельного горя, — я помню по нашим встречам в «Гармо-маме», что Тамара не блистает актёрскими способностями. Кроме того, она меня до сих пор не узнала, значит, не очень контролирует то, что происходит здесь и сейчас.

— Лиза приехала вечером, — продолжает рассказ Тамара. — Привезла бутылку коньяка, сказала: «Один из студентов подарил». Выпили, посидели. Лиза опьянела...

немного. Смеялась. Потом пошла спать. А утром была уже такая. Я испугалась, позвонила Лене...

— Это руководительница «Гармомамы», — поясняю я.

Тамара пробуждается к жизни и бросает на меня тревожный взгляд.

— А вы ведь занимались у нас?

— Я шпионила, — признаюсь я.

— Вот как...

Максим её перебивает:

— Не отвлекайся. Позвонила Лене, и что?

— Та прислала своего знакомого врача-нарколога.

— Почему нарколога?

Тамара вздыхает:

— Потому что у него частная клиника, куда он мог взять Лизу анонимно. Кстати, заодно проверил её на наркотики.

— И?

— Всё чисто.

— Разумеется. А что за коньяк?

— Какой коньяк?

— Который вы пили. Я имею в виду, что было в бутылке? Ты не отдавала на анализ?

— Макс, я сама пила. Даже больше, чем Лиза. И до сих пор жива.

— А почему меня не вызвала?

— Боялась...

— Меня?

— И правильно делала, между прочим! Мне Лена рассказала, как постовой сестре зуб выбили, когда ты Лизу выкрадывал.

— Ну не прямо же я зуб выбил!

— Но за твои деньги!

— А что за студент был? За что благодарил? — я считаю нужным вмешаться.

Тамара качает головой.

— Не знаю, Лиза не рассказывала.

— А о чём вы вообще говорили?

— Да о ерунде! О прошлом в основном. Пытались вспомнить гимн нашего филфака. Лиза припомнила: «Даёшь бесконечный continuous!» — но дальше никак.

— Она не жаловалась? Не говорила, что её кто-то преследует, угрожает?

— Да нет, нет... Я всё время тот вечер вспоминаю. Уже сколько раз перебирала — всё, как обычно.

— А утром? Может, она была ещё в сознании? Может быть, что-то сказала?

Тамара дёргает ртом и бледнеет.

— Нет. Когда я пришла, она уже была... такая. Сидела, играла пузырьком... смотрела на свет. Я, было, решила, что она дурачится... Говорю: «Славно посидели вчера...» А она... открыла рот и вот так: «А-ба-ва-ва-ба-га!».

Тамара съёживается в комок, снова переживая этот момент.

— Пузырьком? — спрашивает Максим.

— Это капли против аллергии, успокаивающие. Она давно пользовалась. У нас на работе многие пользуются. Я отдала на анализ, ты не думай, — поспешно говорит Тамара. — Вот их как раз отдала, я же не дура.

— И что?

— Ничего. Капли против аллергии.

— Ты дура... — вздыхает Максим. — Расказала бы сразу, кучу бы времени и нервов сэкономила. Всем.

Небо за окном начинает светлеть, а говорить больше не о чем. Мы уходим. Уже в прихожей Максим останавливается и смотрит на куклу, стоящую на подзеркальнике. Это снегурочка в голубой шубке с белой меховой опушкой. У её ног стоит ёлочка, на коленях сидит маленький дед-мороз. Кукла не фабричная, явно сшита руками. Глаза у снегурочки расставлены слишком широко, отчего у её лица глупо-удивлённое выражение. Когда Максим берёт её в руки, по прихожей начинают плыть волны запахов: еловые ветки и мандарины.

— Маша делала? — спрашивает Максим.

Тамара бледнеет, как будто боится заодно и таинственной Маши.

— Да, Лиза привезла в тот раз. Сказала: до Нового года ещё далеко, если не забудешь — поставишь. Сказала: в горшке бактерии, ну... которые запахом вырабатывают. Нужно только водой полить. Я вот... не забыла.

— Получается, она к Маше заезжала до того, как к тебе ехать? Я этой куклы дома не видел.

— И что? Как будто она у неё редко бывала!

— А то, что Маша мне об этом не говорила.

— Так это же Маша!

— Не до такой же степени она Маша!

Я чувствую себя третьей лишней.

⇒

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАГОВОР МЕДИАТОРОВ

Глава седьмая.

В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ

Ещё в прихожей слышу, как Катя спрашивает:

— Ты когда вчера вернулась?

На кухне играет музыка, одна из моих любимых песен, до меня долетает запах моих фирменных кексов с курагой и яблоками, и я едва успеваю удивиться, как тут же мой голос отвечает:

— Я вчера вернулась сегодня. Около шести.

— Даже так? — переспрашивает Катя с явным одобрением.

— Ну да. Вчера на работе был корпоратив, отмечали нового сотрудника, потом мы с виновником торжества посидели в баре, потом я его принимала в невропатологию до утра. С испытаниями!

— Аллилуйя! — радуется Катя.

Открываю дверь. За столом у окна в раскладном полосатом шезлонге сижу я: в любимом махровом халате со звёздами, изрядно помятая и растрёпанная. Напротив — Катя в сиреневом сари: в театре собираются ставить какую-то индийскую драму, и она вживается в образ.

Увидев моё «второе пришествие», Катя издаёт странный горловой звук, как будто дует в кувшин. Вторая «я» хихикает.

Поспешно говорю:

— Лика, ты зачем людей пугаешь? Почему не предупредила, что приедешь? Катя, это моя сестра, и она немного чокнутая, извини.

Катя с шумом выпускает воздух и производит ломающимся голосом:

— Ты никогда не говорила, что у тебя сестра-близнец.

— Анечка меня немного стыдится, — лукаво улыбается Лика. — И стыдится того, что стыдится.

— Почему стыжусь? Горжусь. Только тайно, — и к Кате: — Лика у нас художница, и талантливая. И печёт кексы так же хорошо, как я. Так что давайте завтракать.

Хорошо, что Катя умеет ко всему относиться несерьёзно. Вскоре она уже хохочет над тем, как Лика её разыграла.

— Ты к нам надолго?

— Всего на три дня. Картины привезла на выставку в галерею. Пойдёте, Катя?

— Обязательно.

— А ты, Аня?

— Не знаю. Работы много.

Потом, уже в моей — то есть временно нашей — комнате, спрашиваю Лику:

— Ты действительно хочешь, чтобы я пошла?

— Анька, ну брось ты свой пафос. Пафос, патос и катарсис! Я не умру от недооценённости, если ты не придёшь. Но буду рада, если тебе понравится.

— Тогда сначала покажи репродукции. Надеюсь, в этот раз сюрпризов не будет.

Больше никогда не поверю ей на слово! Три года назад она затащила меня смотреть картину: портрет женщины, сидящей спиной к зеркалу. Женщина в очках читает книгу. А её отражение в зеркале тайком подкрашивает губы, поглядывая в маленькое зеркальце. Сходства между женщиной на портрете и мной (точнее, нами) не было ни малейшего. И Анжелика (это её полное имя) уверяла, что написала её ради маленького отражения в маленьком зеркале в руках отражения; говорила о подражании «Портрету четы Арнольфини» ван Эйка. Но я всё равно потом переживала: мне казалось, Анжелика выставила напоказ что-то интимное, касающееся только нас с ней. Ради смеха, ради чужого удовольствия. И ведь добилась своего — картину хвалили, одно время репродукциями пестрела вся Сеть, незнакомые люди выкладывали и перезаливали символическое изображение нашего с Ликой дуэта. Всё-таки никто так виртуозно не умеет причинять боль и вызывать стыд, как близкие родственники. Особенно талантливые.

На этот раз Лика привезла серию рисунков цветными мелками. Спины и затылки. Все в одинаковых позах — с опущенными плечами, поникшими головами. Обнажённые. Мужские, женские, детские, юные, старые, смуглые, светлые, с нежной молочной кожей и рыжими волосами, покрытые загаром шеи и руки выше локтя, ровно загорелые спины красоток с подчеркнутыми талиями — словом, весь спектр человеческих типов в позе то ли скорби, то ли бесконечной усталости. Сильно.

— Приду, — решаю я. — Когда открытие?

— Послезавтра.

Первое, что встречает меня, когда я вхожу в ординаторскую после рождественских каникул, — огромная доска памяти во всю стену. Юлия Сергеевна.

Доску изучает Виктор — тот самый новенький аспирант. Тычет пальцем в детскую фотографию — маленькая девочка за роялем — и получает вылетевший из неё целый рой фото: Юлия в семь лет (толстушка с косичками), в десять (толстушка со стрижкой), в пятнадцать (стройная девушка с глазами лани — куда что делось и откуда что взялось?) и неизменный рояль.

— Такое впечатление, что она из-за него не вставала, — бормочет Виктор.

Он любит на вылетающие из доски сканы дипломов: «Лауреат конкурса юных пианистов “Звёздочка”», «Победитель конкурса пианистов-младшеклассников “Солнышко”», «Лауреат юношеского конкурса Чайковского», «Лауреат конкурса Филдса», «Лауреат конкурса “Открытая Европа”».

— Ого! — произносит Виктор.

— На самом деле это очень грустная история, — откликаюсь я. — Юлия Сергеевна победила всего раз — на том самом районном «Солнышке», после чего её педагог и её отец уверовали в талант и взялись за неё всерьёз.

— Она вам рассказывала?

— Рассказывала. В первые годы, как пришла на отделение, казалась гордой, молчуньей, с претензиями. Потом, как избрали заведующей, вдруг изменилась — чуть ли не всем врачам стала лучшим другом, всегда поможет, всегда выслушает, всегда прикроет. Мы тогда даже не подозревали, что это значит.

— Нейролептики?

— Нет, алкоголь. На праздниках один-два бокала вместе со всеми. Пила она в другой компании, по пятницам... В выходные отойдёт, в бассейн ходит — и всю неделю как ангел. Мы и не догадывались. Поняли, когда ей стало не хватать пятницы. Но это позже, лет через пять.

Виктор снова поворачивается к доске и застывает, глядя на фотографию пятнадцатилетней Юли с тёмными ровными волосами до пояса, перехваченными белой лентой.

— Она, наверное, уже тогда начала пить? Когда пошли международные конкурсы...

— Нет, всё было сложнее. Из этой истории она как раз вышла победительницей. В какой-то момент её отец развёлся с матерью и выставил ту из дома, доказав, что она препятствует развитию дарования дочери. Даже алименты отсудил. Тогда у Юлии началось что-то вроде писчего спазма — перед выступлениями сводило кисть. Отец потратил кучу денег на лечение. Массажистка её и надоумила, как поступить. Юлия подала через представителя заявление в суд, прося вернуть опеку матери. Доказала как дважды два, что отец заставил её соблюдать такой режим занятий, который вредит её здоровью, и забрал из школы на экстернат, лишив общения со сверстниками. Выиграла суд. Уехала к матери, доучилась два года и поступила в медицинский институт.

— Мать была врачом?

— Нет, бухгалтером. Юлия рассказывала: «Девочки, как я отдыхала на первых курсах! У меня же память тренированная. Что там? Учебник анатомии? Гистологии? Биохимии? Раз-два, и свободна. И мальчики, танцы, посиделки до утра. У меня же никогда раньше этого не было...» Нет, тогда она тоже пить не начала. Ей и без вина эндорфинов хватало.

— А как же это случилось?

— Юлия окончила институт с красным дипломом и пошла на специализацию в хирургию. Рассудила: руки пианиста — то, что нужно, буду нейрохирургом.

— Ох! Представляю. Я ведь тоже присматривался к хирургии на последних курсах. Но подумал-подумал и понял: я — пас. Бесконечные дежурства, огромная нагрузка. Пока ты молодой, с тобой просто не обращаются, как с человеком. Каждый считает нужным какую-нибудь хамскую шутку отпустить... И на разборах, если что случалось, так друг друга топили, лишь бы самому выйти чистеньким. Там ординаторы в первые пять лет даже не женились. Чуть что — заявление по собственному желанию. И — прощай карьера!

— Значит, вы легко догадаетесь, когда Юлия начала всерьёз пить.

— Да уж!

— Юлия жила в аспирантском общежитии — было ближе к работе. У них на отделении была милая манера: если у больного осложнения, вызывать лечащего врача в любое время. Но в общежитии — вечно компании, всё время что-то празднуют. А

когда она поняла, что, как ни паши, карьеру не сделаешь, ей просто не переждать всех мужчин-врачей на отделении, начала пить крепко. Потом, в какой-то момент, испугалась, как я понимаю. Завязала. Ушла из нейрохирургов в невропатологи, когда забеременела. Вышла замуж, родила ребёнка, замужество оказалось неудачным. Развелась. Отправила ребёнка к бабушке. Снова стала пить: чтобы снять стресс. Принимала периодически курсы адаптогенов, гепатопротекторов и как-то держалась, хотя сползала. Мы всё поняли буквально в последний год. А когда поняли, то оказались в ловушке — доказать-то мы могли, у неё уже почти не было сил скрываться, но — как же? Это же Юлия, она нам как старшая сестра. Неплохой администратор, кстати, была, заботливый. А уж диагност вообще экстра-класса. Потом она сама ушла. И — вот.

— Грустная история.

— Да.

Мы молчим.

— Слушайте, Виктор, — я вспоминаю о Лизе. — Давно хотела узнать, как вы, врачи, ставите диагноз? Я имею в виду: вы же не видите патологию, как я. Я всегда поражалась, когда Юлия говорила, где и что не в порядке, и это совпадало...

— Вообще-то, принцип простой: симптомы укладываются в синдром, затем выявляем причину, если возможно, или по крайней мере локализацию «поломки» — вот и диагноз.

— Как-то слишком общо. Но я понимаю, у вас нет времени...

Виктор передёргивает плечами и бросает на меня извиняющийся взгляд:

— А где у вас тут можно хорошо провести время?

— В смысле?

— Я говорю о выходном. Я недавно в городе. Можно сходить куда-нибудь в театр или на концерт?

— Можно, наверное. А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому что вы, одинокая и интеллигентная, должны быть в курсе, — улыбается Виктор. — А вообще, мне нравится говорить с вами. Хотелось бы подружиться, если вы не против.

Улыбка у него совсем мальчишеская — обезоруживающая в своей искренности.

И тут меня осеняет. Мысль эта проста: случай Лизы нужно рассматривать не с

точки зрения детектива, которым я никогда не была, а с точки зрения врача. К врачам я имею отношение. Точнее — имею с ними отношения. Конечно, прямо ничего нельзя рассказывать: Максим запретил, да и вряд ли поверят, — но нельзя ли провести разговор так, чтобы Виктор дал мне подсказку, сам того не зная? «Эх, Юлию бы сюда, — приходит мгновенная мысль, болезненная как заноза. — Задача как раз для неё».

— Выставка современных художников подойдёт? — спрашиваю я Виктора.

— Конечно.

Свидание получается практически идеальным. Виктору нравится выставка, нравятся Ликины спины. Я знакомя его с сестрой, и он оказывается очень галантен: «Удивительно! Вы такие разные и такие обе талантливые».

Потом мы вдвоём сидим в кафе (Анжелика осталась на выставке), и Виктор рассказывает о диагностике:

— Топическую диагностику вы себе представляете?

— Смутно. То есть не представляю, как это делают обычные люди.

— Логический рассуждая. В неврологии это просто, так как локализация функций по отделам головного мозга хорошо известна. Например, у пациента спастический паралич левой половины тела — рука приведена к телу, на ней напряжены мышцы-сгибатели, на ноге наоборот — разгибатели. Получается, рука, как у нищего, просящего милостыню, а нога не может согнуться, пациент ходит, загребая ею. Раньше так и описывали: «рука просит, а нога косит». Где очаг поражения? Нет, не щурьте глаза. Смотреть некуда! Попробуйте рассуждать. Говорю вам, это просто. Как насчёт периферических нервов?

— Нет, паралич был бы вялым, к мышцам не поступали бы импульсы. А здесь мотонейрон в передних рогах спинного мозга сохранён, импульсы поступают, а торможения нет. Это центральная нервная система.

— Верно. Но где именно? Мозжечок?

— Есть неустойчивость походки?

— Нет.

— Тогда не мозжечок.

— Пойдём с другого конца. Кора? Периферическая извилина?

— Это каких же размеров должен быть очаг, чтобы захватить руку и ногу? Нет, были бы более локализованные поражения. Одна рука или даже кисть руки. Я такое видела.

— Тогда где?

— Пирамидные пути в стволе. Поражения на одной половине тела, так? Значит, очаг расположен в правой половине, выше перекрёста в продолговатом мозге. Нет, выше ствола — иначе были бы частичные дефекты на стороне поражения.

— Правильно. Скорее всего, параличи лицевых мышц. Тогда где? Мы уже близко.

— Подождите. Основание мозга, внутренняя капсула!

— Бинго. Я же говорил, это просто.

— Сложнее, чем увидеть.

— Кто бы спорил. Теперь следующий вопрос. Характер поражения и его причины? Кажется, возможностей много, на самом деле не очень. Чаще всего — сосудистые нарушения по типу инсульта. Из экзотики: травма, опухоль, дегенеративные процессы. У наших деток — гипоксические поражения в родах. Здесь уже нужны аппаратные средства. Что мы делаем? Входим на международный неврологический сервер, забиваем симптомы, он выдает план обследования и даже адреса ближайших клиник, которые располагают соответствующим оборудованием. И любую привходящую информацию. На исследования. Чтецы таких подробностей, как правило, не видят. Так ведь?

Я киваю.

— Те, кто придумал эти сервера, превратили диагностику из высокого искусства почти в рутинную работу. Но вот для лечения нужен талант. В том числе и ваш, Анна.

— Я бы не назвала это талантом. Просто возможность.

— А что такое талант, по-вашему? Это и есть возможность делать то, чего не могут другие.

— Можно, конечно, и так сказать.

За десертом Витя, смущаясь, просит передать номер вызова его уникала Лике.

— У моей матери есть подруга, а у той — своя галерея. Я бы хотел их познакомить. Анжелика заслуживает как минимум персональной выставки. Вы не против, Анна? Мы ведь можем остаться друзьями?

Вернувшись домой, передаю Витино предложение Лике. Та морщится:

— Не буду с ним говорить. Мне иногда кажется, что я забрала у тебя возможность быть с кем-то... Просто радоваться жизни.

— Я этого не заметила. По-моему, радуюсь именно я, но в меру, чтобы не выглядеть циклотимиком в маниакальной стадии. А что тогда я у тебя забрала?

— Все мозги.

— Прямо-таки все... Это похоже на правду.

— Да ну тебя! Я даже не знаю. Нерушимость какую-то. Мне вот нужно, чтобы мои работы всем нравились... И я тоже. Чтобы вокруг было движение, смех, любовь. Знаешь, как тёплая волна, как шампанское.

— Кто создан из глины, кто создан из камня, а я серебрюсь и сверкаю...

— Знаешь, мама иной раз говорит, что я эгоистка. Что забрала себе всю удачу... Что ты выросла такая угрюмая из-за меня.

— Очень рада, что ты избавила меня от тяжкой доли — серебриться и сверкать. И потом — разве я угрюмая? Я просто чтец. Мне не надо, чтобы на меня смотрели, — мне нужно самой смотреть. И потом ты тоже смотришь, только не так глубоко. Ничего мы друг у друга не отняли.

— Но всё же парня ты себе могла бы завести. Вылезти как-нибудь из своей башни из слоновой кости и...

— Смотри, всё просто. Половина мужчин меня боится из-за моих способностей, у половины я вызываю жгучий интерес по той же причине...

— А ты, конечно, хочешь, чтобы любили именно тебя...

— Нет. Ты же знаешь, каково это — жить со мной. Мысли я, конечно, не читаю, но что с тобой происходит, монитору автоматически. Это мало похоже на нормальные отношения.

— Из дома я ушла не из-за тебя! Это бывает и у нормальных братьев и сестёр!

— Я всё пытаюсь сказать тебе главное, а ты не даёшь. Моя жизнь и так полна эмоциями и событиями. Наверное, влюблённость была бы чрезмерной нагрузкой на нервную систему. Трата энергии, которую не могу себе позволить. Короткое замыкание. Может, я начала бы пить...

(Продолжение следует.)